

Парижский наблюдательный пункт

Пенсионная реформа и военное лидерство

Мы публикуем статью наших французских товарищей из газеты L'Internationaliste.

В конце января комментарии буржуазной печати по поводу годовщины подписания Елисейского договора в Париже имели горько-сладкий привкус. *L'Opinion* праздновала возвращение в повестку темы франко-немецкого мотора, *Le Monde* же, напротив, отмечала, что в годовщину не было сделано никаких важных заявлений и что доброй воли Эмманюэля Макрона и Олафа Шольца не хватило, чтобы создать убеждение, что рейнская ось снова в строю и способна повести за собой Европу.

Французский “Zeitenwende”?

Фактически громкое заявление было сделано вскоре после празднования дня подписания договора и носило национальный характер: французский президент объявил об увеличении оборонных расходов на треть. Закон о военном планировании предусматривает выделение в общей сложности 413 млрд евро в период 2024–2030 годов. По мнению *Le Monde*, это «бюджет военного времени», а *Les Echos* считает, что Франция «перевооружается» и посылает «сигнал не только европейцам, но и американцам: вы можете рассчитывать на нас как на большую страну, входящую в НАТО». Макрон объявил о направлении части средств на модернизацию сил ядерного сдерживания и на преобразование вооружённых сил из экспедиционного корпуса в армию, пригодную для ведения современных боевых действий высокой интенсивности.

Является ли объявление эквивалентной цифры ответом на 100 млрд евро военных инвестиций в течение нескольких лет, объявленных Шольцем в рамках его «Zeitenwende»? В Париже заявление канцлера было воспринято как обоюдоострый меч: с одной стороны, похвалили увеличение военных инвестиций Германии, чего давно требует Франция, с другой – опасаются, что, несмотря на статус ядерной державы, Париж теряет своё военное лидерство в ЕС, а Берлин чрезмерно проявляет атлантистский тропизм или же ищет способ действовать самостоятельно.

Это противоречие рассмотрено в статье “Первая стратегия безопасности Германии: что поставлено на карту для Франции и Европы?”, опубликованной в ноябре 2022 года отделом изучения Германии мозгового центра IRIS (Института международных и стратегических отношений). Автор статьи – Гезине Вебер, научный сотрудник парижского офиса Германского фонда Маршалла США – института, являющегося атлантистским по своей природе, но парижские представители которого, похоже, внимательно относятся к “французским” дозировкам в вопросах европейской безопасности.

Вебер пишет: «Это заявление вызвало размышления о возможном риске [sic!] превращения Германии в ведущую военную державу Европы», – но, добавляет она, следует отметить, что «эти инвестиции в основном будут служить для заполнения пробелов в военном потенциале и позволят ей выполнить свои обязательства перед партнёрами». Выбор Берлина в отношении военного потенциала «может стать либо катализатором, либо тормозом для промышленной и технологической базы европейской обороны». По мнению Вебер, первые решения Германии: покупка американских самолётов F-35 и запуск противоракетного щита, состоящего из американских, немецких и израильских систем, – на данный момент указывают на вторую гипотезу. Однако «у Германии нет реальной альтернативы трансатлантическому партнёрству, что объясняет её стремление поставить НАТО в центр политики безопасности». Даже если эта позиция подтвердится, то возможность, кажется, всё равно появится: Шольц подчеркнул «готовность Германии к дальнейшему участию в добровольческих коалициях, обладающих возможностями стран, что подразумевает определённую открытость Германии для ситуативных коалиций, особенно в рамках статьи 44 [Договора ЕС]», что позволяет обойти нежелание некоторых государств. Это «стало бы настоящим выигрышем для европейской обороны».

Асимметричная ось

Тома Гомар, директор Ifri (Французского института международных отношений, крупнейшего французского мозгового центра в сфере международных отношений),

посвятил франко-немецкому вопросу часть своей последней книги *“Les ambitions inavouées”*, опубликованной в январе. В ней он выражает обеспокоенность экономическим упадком Франции по сравнению с её соседом Германией, способной «осуществлять фактическую “полугегемонию” в ЕС».

Гомар пишет: *«В том, что касается представителей моей профессии из немецких кругов, занимающихся разработкой стратегии, меня всегда поражало, с одной стороны, нежелание использовать термин “геополитика” из-за его исторической коннотации, а с другой – преобладание германо-американских дебатов над франко-германскими, что создаёт своего рода непонимание между Парижем и Берлином по некоторым вопросам, таким как “европейская стратегическая автономия”». «Наша страна должна принять к сведению тот факт, что Германия для неё важнее, чем она для Германии».*

Однако, с военной точки зрения, *«нет уверенности, что 100 миллиардов евро будет достаточно для восстановления надёжных вооружённых сил в среднесрочной перспективе».* По мнению Гомара, хроническое недофинансирование не может быть исправлено в короткие сроки. Германия заявляет о намерении взять на себя ответственность, но *«действительно ли она хочет этого?»: «2030 год покажет нам, будут ли немецкие власти последовательны».* Дата является окончанием периода действия французского закона о военном планировании.

Европейские пенсии

Гомар небезосновательно утверждает, что *«во Франции более склонны мыслить в понятиях “ранга”».* Параллельно с объявлением об увеличении расходов на оборону правительство запустило пенсионную реформу, целью которой является повышение пенсионного возраста с 62 до 64 лет и увеличение количества кварталов, накопление которых необходимо для получения права на полную пенсию. Франсуаза Фрессо из *Le Monde* отмечает, что Макрон считает, что цель *«заставить французов больше работать соответствует его желанию сделать Францию и Европейский союз более суверенными».* Сторонники реформы почти постоянно утверждают, что её необходимость продиктована отставанием Франции в европейской реструктуризации.

Жан-Пьер Робен из *Le Figaro* утверждает, что во Франции государство *«в широком смысле»* – оборона, полиция, правосудие, образование, здравоохранение – является жертвой ноши социальных расходов. По его мнению, они составляют 37,4 % ВВП по сравнению со средним показателем 31,5 % в еврозоне; одна треть этих расходов приходится на пенсии.

Газета *Les Echos* указывает на то, что *«настоящая цель реформы»* – *«повышение уровня занятости среди пожилых людей»:* на данный момент во Франции он слишком низок, что *«объясняет наш упадок».* В своей статье, опубликованной в *Le Monde*, экономист и бывший советник Европейской комиссии Пьер Бюиг утверждает, что в этом вопросе Франция сейчас является одной из “стран Южной Европы”. Именно уровень занятости определяет *«размер расходов на пенсии, а не установленный законом пенсионный возраст»*, поскольку *«допускаются многочисленные исключения».*

Различия в уровнях занятости пожилых людей значительны между севером и югом континента: для людей в возрасте от 55 до 64 лет среднеевропейский уровень составляет 60,5 %, но в Швеции он достигает 76,9 %, в Дании 72,3 %, в Германии 71,8 %, в Нидерландах 71,4 % против 55,9 % во Франции, 55,8 % в Испании и 53,4 % в Италии. По данным Бюига, расходы на пенсии составляют 14,4 % ВВП Франции и 14,5 % ВВП Италии против 11,3 % в среднем по Европе, 7,4 % в Нидерландах, 9,6 % в Швеции, 10,8 % в Дании и 10,9 % в Германии.

Продолжающаяся реформа

Frankfurter Allgemeine Zeitung утверждает, что именно этот «страх упадка» делает реформу непопулярной и способствует борьбе за защиту социальных достижений. Однако, по мнению этой немецкой консервативной газеты, масштабы протеста несоизмеримы с проектом реформы, которую на немецкой стороне Рейна считают скромной.

Мы отмечаем, что европейскую реструктуризацию во Франции пытаются проводить последовательными толчками, а не шоком одной радикальной реформы. В статье, опубликованной на сайте *Telos*, экономисты Жильбер Сетт и Эли Коэн утверждают: *«В*

течение как минимум тридцати лет, начиная с реформы Балладюра 1993 года, мы переживаем продолжающуюся пенсионную реформу во Франции». Таким образом, в этом вопросе европейское принуждение действует на все правительства вне зависимости от политической окраски.

Следует также помнить, что Еврокомиссия недавно посоветовала Франции провести реформу своей пенсионной системы. Успех программы реформ во Франции – это не только вопрос бюджета, но и одно из условий возрождения авторитета французского президента в рамках европейского империализма в момент обсуждения важнейших вопросов о государственной поддержке промышленности или о безопасности на континенте. Можно даже сказать, что эта реформа является фактором в сражении за европейскую оборону.

Исключительные возможности

Правительство имеет лишь относительное большинство в нижней палате парламента и, по сообщениям прессы, до сих пор не смогло собрать достаточно голосов для принятия законопроекта, представленного парламенту в начале февраля. Левая коалиция, а также Национальное объединение (НО) выступают против повышения пенсионного возраста, в то время как правые “Республиканцы”, отказавшись от своих прошлых программ, требуют “социальных” уступок. Однако правительство обладает исключительными полномочиями для реализации своих мер даже без согласия Национального собрания. Поскольку пенсионная реформа представлена как часть проекта бюджета, исполнительная власть может принудительно её проташить, используя статью 49.3 конституции. Кроме того, также была использована статья 47.1, позволяющая ускорить рассмотрение закона и дающая право принять его указом в случае парламентского блока.

Что касается нас, то мы считаем, что необходимым условием для предотвращения перекладывания бремени *европейской реструктуризации* на плечи наёмных работников, а также для разоблачения попыток парламентских партий, представляющих собой широкую коалицию *статус-кво*, использовать видимую оппозицию пенсионной реформе для своей электоральной демагогии, является классовая автономия.

Февраль 2023 г.